

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ/NATIONAL HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.8>

EDN: TPIHGK

ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ПОЛЬСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В МОСКВЕ В 1915 – НАЧАЛЕ 1917 Г

Научная статья

Духанин А.А.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0008-7159-8157;¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (a_dukhanin_1998[at]mail.ru)

Предложена: 12.06.2026; Принята: 04.08.2026; Опубликовано: 17.08.2026

Аннотация

Тема польского беженства в России в годы Первой мировой войны, прежде всего его демографические и географические характеристики, уже довольно продолжительное время разрабатывается как в польскоязычной, так и в русскоязычной историографии. В то же время интерес историков к вопросам беженских ментальности и повседневности стал проявляться лишь относительно недавно. Привлечение новых источников, в том числе личного происхождения, смена фокуса научного внимания с акторов оказания благотворительной помощи на ее получателей, позволяют существенно дополнить представления исследователей о социальных практиках пришлого и принимающего обществ в контексте беженской проблемы. При этом взаимодействие польских беженцев с местным населением (как инонациональным, так и диаспоральным) в условиях такого крупного имперского центра, как Москва, до сегодняшнего дня не становилось предметом специального изучения. В настоящей статье автор рассмотрит особенности и динамику восприятия польских беженцев государственными и общественными институтами, городской прессой, как выразителя настроений московского населения, а также представителями московской Полонии.

Ключевые слова: беженство, Москва, Первая мировая война, поляки, польские беженцы, социальная история.

FACTORS AND DYNAMICS OF THE PERCEPTION OF POLISH REFUGEES IN MOSCOW BETWEEN 1915 AND EARLY 1917

Research article

Dukhanin A.A.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0008-7159-8157;¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (a_dukhanin_1998[at]mail.ru)

Suggested: 12.06.2026; Accepted: 04.08.2026; Published: 17.08.2026

Abstract

The subject of the Polish refugee crisis in Russia during the First World War, particularly its demographic and geographical characteristics, has been the subject of research for quite some time in both Polish- and Russian-language historiography. At the same time, historians' interest in the mentalities and everyday lives of refugees has only emerged relatively recently. The use of new sources, including personal accounts, and a shift in the focus of scholarly attention from those providing charitable aid to its recipients, allow researchers to significantly expand their understanding of the social practices of both the newcomer and host communities in the context of the refugee crisis. However, the interaction of Polish refugees with the local population (both foreign nationals and members of the Polish diaspora) in a major imperial centre such as Moscow has not, until now, been the subject of any specific research. In this article, the author examines the specifics and dynamics of how Polish refugees were perceived by state and public institutions, the city press, as a barometer of the sentiments of the Moscow population, and representatives of the Moscow Polonia.

Keywords: fleeing, Moscow, the First World War, Poles, Polish refugees, social history.

Введение

Первая мировая война привела к беспрецедентным в истории Российской империи перемещениям населения. Наплыв миллионов беженцев во внутренние районы страны имел далекоидущие экономические, политические, культурные последствия. Сопровождался он и ломкой прежних парадигм мировосприятия жителей империи, обострением национального вопроса, пересмотром принципов сосуществования различных национальных групп в рамках империи. Прежнее устройство империи, характеризовавшееся устойчивостью этнокультурных ареалов, относительно низкой внутренней миграцией, узколокальной идентичностью населения с развитием беженского кризиса 1915 г. безвозвратно ушло в прошлое.

Хотя Москву, являвшуюся накануне Первой мировой войны вторым по величине городом империи, населяли подчас весьма многочисленные национальные диаспоры (немцы, поляки, грузины, татары), русские преобладали как в языковом, так и в демографическом отношении [1, С. 46], [2, С. 102]. Инонациональным группам, проживавшим в Москве, были присущи четкая локализация, культурная и религиозная замкнутость, ограниченность повседневных контактов с представителями «титальной» нации. Эти черты обнаруживаются и в устройстве польской московской

общины — Полонии [3, С. 105]. Указанные обстоятельства обусловили специфику взаимодействия местного и пришлого населения в Москве в период наибольшей концентрации беженцев в городе — с лета 1915 по начало 1917 гг.

Несмотря на то, что беженский кризис лета 1915 г. был спровоцирован ходом военных действий и усугублен противоречивыми распоряжениями военного руководства, его размах и неконтролируемое течение быстро сделались предметом обсуждения на правительственных и думских заседаниях [4, С. 5–137], [5, Стлб. 795, 803–805]. В ходе них были выработаны общие механизмы оказания первичной государственной помощи беженцам, которые были закреплены в «Законе об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. Согласно ему, правительство отдавало вопросы размещения, питания, приискания беженцам работы на откуп создававшимся на местах комитетам с участием представителей администрации и общественных, в том числе национальных, организаций, оставляя за собой функции координации и распределения дотационной помощи.

Основная часть

Большую часть лета 1915 г. проблема беженцев не затрагивала Москву. Город находился в глубоком тылу и считался транзитным узлом, перенаправлявшим эвакуированные промышленные предприятия, государственные учреждения и их работников с запада на восток. В городскую прессу просачивались лишь отдельные сообщения о пожертвованиях в пользу беженцев по линии Всероссийского Союза городов (председатель которого, М.В. Челноков, являлся по совместительству и московским городским головой) и об обстановке с беженцами в городах западных губерний [6, С. 2], [7, С. 2], [8, С. 3]. Как правило, поступающие в Москву партии беженцев передавались городскими властями под опеку национальных организациям, таким как возникший в июле 1915 г. на базе культурных и благотворительных обществ Польский комитет помощи жертвам войны (Komitet Polski Pomocy Ofiarom Wojny) во главе с известным адвокатом, бывшим депутатом Государственной думы А.Р. Ледницким.

Согласно статистике Регистрационного отдела Польского комитета помощи жертвам войны, в период с июля 1914 г. по 1 сентября 1916 г. в Москве была зарегистрирована 91 тысяча беженцев-поляков [9, С. 213]. Всего же в течение 1915 г. Москва приняла 141,5 тысяч беженцев [10, С. 105], минимум половину которых, как можно заключить, составляли поляки. Столь высокая доля может объясняться тем, что в городе имелась многочисленная и весьма активная польская диаспора. На начало XX она насчитывала около 20 тысяч человек [3, С. 105]. Это обстоятельство потенциально могло ускорить адаптацию польских беженцев на новом месте, а значит и облегчить работу государственных органов.

Согласно сообщениям в прессе, поначалу польские беженцы встречали сочувственное отношение со стороны москвичей. Часто акцент делался на «жертвенности» поляков, прежде всего крестьян, которые на месте своих хозяйств «оставили сожженную равнину, по которой неприятель не смог вести своего быстрого наступления» [11, С. 3]. Новое звучание приобрела риторика о славянской солидарности, о противостоянии германизму; с большой торжественностью проводились «славянские дни», в которых принимали участие и члены польской диаспоры. Лозунги помощи «братьям-славянам», в том числе полякам, резонировали с сильными германофобскими настроениями, уже проявившимися в мае того же, 1915 года в виде немецкого погрома. В пользу польских беженцев проводились общественные кампании по сбору средств, вызывавшие энтузиазм среди горожан [11, С. 3], хотя, как отмечают некоторые корреспонденты, имели место и недружественные в адрес поляков высказывания [12, С. 6]. Так, либеральная, благожелательно настроенная к полякам газета «Утро России» вынуждена была констатировать неоднозначность приема, оказанного беженцам: «с глубокой грустью нужно сознаться, что и широкие высшие слои городского населения не отнеслись к пришельцам со всей заботливостью и гуманностью, на которую они же могли бы быть способны при более развитом чувстве гражданской ответственности. О низших народных слоях говорить не приходится, так как, во-первых, они даже не были осведомлены, как следует относительно истинного частью принудительного характера военно-переселенческого движения, а во-вторых, они и без того достаточно нагружены тяжестью материального и новизной морального долга перед родиной» [13, С. 4].

На «неопределившееся» отношение москвичей к беженцам-полякам указывали и польскоязычные газеты, считавшие себя выразителями умонастроений подавляющего большинства бедствующих соотечественников: «Одни справедливо видят в них (беженцах. — А.Д.) жертв войны, не только заслуживающих сочувствия, но и имеющих право на как можно более широкую помощь от тех, кто не пострадал от войны непосредственно; следует признать, что наши беженцы часто встречают со стороны русских доказательства искренней доброжелательности и даже большой самоотверженности. В то же время другие видят в них «докучливых иноплеменников», затрудняющих жизнь коренному населению» [14, С. 1].

Наплыв и оседание в Москве беженцев в августе – сентябре спровоцировал повсеместный дефицит свободных помещений, даже наименее пригодных для жизни. Жилищный фонд польских благотворительных организаций был быстро исчерпан; вслед за этим иссяк и городской фонд. В связи с этим уже в августе 1915 г. возник вопрос об устройстве специальных барачков. На совещании 9 октября 1915 г. членов городской думы и представителей национальных организаций было постановлено построить бараки для беженцев в прилегающих к Москве местностях: близ станций Окружной железной дороги, в Черкизове, Владыкине и за Калитниковским кладбищем, рядом со станцией «Бойня». В это время определился и общий географический рисунок расселения польских беженцев, представляющий собой несколько районов с компактно проживавшими в них беженцами.

Исчерпав собственные возможности, городские власти и общества обратились к владельцам подмосковных дач с предложением разместить беженцев, при этом арендные обязательства брала на себя Московская городская управа [15, Л. 8–10]. Следствием этого стало удорожание наемного жилья, что не замедлила констатировать московская пресса [16, С. 2]. Летом следующего года многие арендодатели, опасаясь потерять прибыль в новый дачный сезон, стали массово отказываться продлевать договоры найма, что вынудило многих беженцев покинуть окрестности Москвы и переселиться в другие уезды. Схожие тенденции наблюдались и в самом городе. Мировые суды оказались завалены

делами, касающихся беженцев. В основном это были иски домовладельцев о неуплате съемщиками квартплаты и нежелании их выселяться с жилплощади. Учащаются и случаи личных оскорблений [17, С. 173].

Другим направлением общественной помощи стали попытки приискания беженцам работы. Крупнейшим посредником в заключении трудовых отношений в Москве являлась Морозовская биржа труда. Осенью 1915 г., когда в городе наблюдалась наивысшая концентрация польских беженцев, биржа предложила свое содействие по трудоустройству последних Польскому комитету помощи жертвам войны, попросив прислать квалифицированных рабочих. Однако начинание успеха не имело: вместо востребованных на московском рынке труда специалистов — ткачей, прядильщиков, мастеровых — чаще всего в контору биржи являлись «музыканты, бакалейные и галантерейные торговцы, вояжеры, чертежники, штейгеры и им подобные, которых и в самой Москве даже в мирное время бродит немало в поисках соответственных занятий» [18, С. 186].

На выручку вновь пришли городские и национальные организации. Районными попечительствами в местах проживания беженцев были открыты мастерские по пошиву одежды, ремонту обуви и т.д., в отдельных случаях работник и его семья обеспечивались жильем [19, Л. 7], [20, Л. 4]. Польские организации чаще всего задействовали собственные связи в деловом мире, трудоустроявая беженцев через личные знакомства, оказывали непосредственную помощь наиболее уязвимым категориям. Так, для интеллигентов, не имеющих определенных профессий, Польский комитет открыл при Отделе интеллигенции Дом трудолюбия (мастерскую школу), где велось обучение швейному ремеслу. Для неимущих художников было организовано художественное ателье. Кроме того, были устроены швейная и столярная мастерские, организована раздача работы по домам [21, С. 32].

Тем не менее, создаваемые рабочие места не могли удовлетворить спроса всей беженской массы. Многие беженцы, главным образом из числа крестьян, вынуждены были поступать разнорабочими за минимальную плату, а порой и вовсе за паек. Это приводило к общему удешевлению оплаты труда и создавало дополнительный источник напряженности между пришлым и коренным населением. Если поначалу московские трудовые посредники отдавали при отборе кандидатов предпочтение беженцам перед местными рабочими и даже разыскивали их, то с 1916 г. стало наблюдаться обратное явление — многие предприниматели совершенно отказывались нанимать беженцев, мотивируя это их ленью и повышенными требованиями к содержанию и регламентации труда [18, С. 191], [22, С. 5].

Однако подавляющее большинство беженцев (по некоторым данным, до 4/5 от общей численности) [22, С. 3] составляли женщины, дети, люди пожилого возраста, то есть нетрудоспособный элемент. Принадлежащие к этой категории беженцы в поисках работы сталкивались с еще большими трудностями и зачастую попросту зависели от материальной помощи государства и более имущих соотечественников. «Синдром беженца», чувство ненужности, шок от событий в пути, усиленные присущим в особенности крестьянской психологии фатализмом зачастую приводили к тому, что такие люди оказывались на положении иждивенцев, а в отдельных случаях и спекулянтов выделяемой им помощи. Это с сожалением отмечали и сами беженцы [23, С. 172], [24, С. 28]. Дифференцируя беженство по адаптационным стратегиям, некоторые польские историки пишут о феномене «ненужных людей» («ludzie niepotrzebni») [25, С. 101–112] — беженцах, которые, оказавшись в экстремальных ситуациях, утрачивали моральные барьеры и «польский дух» и шли на контакты с местным населением, нанимались на русские предприятия, несмотря на якобы декларируемую «нежелательность польского элемента» [25, С. 107].

В отдельных случаях беженцы становились орудиями в махинациях беспринципных единоплеменников. В ГАРФ в фонде 5115 (Польские организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны) отложилось дело некоего Юзефа (Иосифа) Вернера, жителя Москвы и, по всей видимости, поляка, предлагавшего неграмотным беженцам, обычно женщинам, за вознаграждение свои услуги по написанию жалоб в Польский комитет на предмет получения дополнительной денежной помощи. Судя по записной книжке Вернера, его навыки пользовались большим спросом среди беженцев, а он сам, несмотря на многочисленные жалобы сотрудников и даже подстрекательство беженцев к погромам контор Комитета, не подвергался полицейскому преследованию [26, Л. 2–2об., 6–9, 21, 23].

Некоторые поляки не стеснялись, не таясь, наживаться на беженской помощи. Владислав Глинка, сам беженец, а в прошлом крупный землевладелец, пишет о «слышащихся постоянно (рассказах. — А.Д.) о больших выгодах, о новых успехах. В «Лютне» (польское культурно-просветительское общество в Москве. — А.Д.) можно видеть ряд людей, втянувшихся в этот омут. Очень напоминают публике игры в Монте-Карло: одни с подведенными глазами, нарумяненными лицами, другие сияющие, самодовольные» [23, С. 148].

Сохранилась и социальная дистанция между состоятельными и малоимущими слоями беженства. Высокий удельный вес представителей «интеллигентных» профессий, уровень жизни во втором по величине городе империи создавали все условия для имущественного неравенства. Некоторые члены московской Полонии весьма формально и даже прохладно отнеслись к участию в судьбах соплеменников, чаще всего ограничивая его лишь небольшими денежными взносами, собираемыми Польским комитетом в помощь беженцам. В газетах можно обнаружить упоминания о «постоянных жалобах на не подлежащее оправданию или по меньшей мере не вполне отвечающее обстановке... поведение известных кругов польской колонии в Москве, которые, несмотря на тонущую в крови страну и повсеместное бедствование, отнюдь не отказываются от устройства различного рода кабаке и «общественных собраний», где безраздельно царят пустой смех и легкомысленная веселость, как если бы на Божьем свете все было в порядке, а слезы и страдания миллионов несчастных относились к далекому прошлому или были лишь досадным сновидением» [27, С. 16].

Порой поведение местных поляков вызывало непонимание и возмущение религиозных беженцев из Галиции и Царства Польского. Уже упоминавшийся В. Глинка с негодованием отмечал, что на банкете в канун католического Рождества 1916 г. некоторые члены клуба «Лютня» позволили себе употреблять вина и крепкие спиртные напитки [23, С. 175], раздобыть которые в условиях сухого закона в Москве было отнюдь не просто. Многие аристократы и промышленники из Привислинского края, приобрета еще до войны привычку к разгульному образу жизни, не

отказывали себе в излишествах и на новом месте, что делало их излюбленными целями аферистов из числа тех же беженцев [28, С. 3].

Таким образом, контакты беженцев с представителями московской Полонии, вопреки официальной риторике [29, С. 8] тех лет и представлениям некоторых современных польских исследователей, порой носили конфликтный характер. Противоречия наблюдались между выходцами из Австро-Венгрии и представителями «старой эмиграции». Часто о последних отзывались как об утративших «польскость», чувство единения с польским народом. «Не погрешу против истины, сказав, что нас, осевших в России, считали отщепенцами. Словом, кто не мочил ног в Висле, тот не настоящий поляк» — писал уроженец Москвы поляк В. Либерт [30, С. 125]. Иногда противоречия между выходцами из различных частей разделенной Польши проявлялись в обвинениях в недостаточной помощи галицийским полякам. «Выходит, что возможность выжить поляки иного подданства (уроженцы Австро-Венгрии и Германии. — А.Д.) получили — кроме sporadicной помощи из родного края — скорее от чужих <...> правительств, чем от польских организаций» [31, С. 3–4].

Пребывание в Москве польских беженцев сопровождалось криминализацией городской среды. Пресса с тревогой отмечает участвовавшие случаи краж и даже ограблений банков, при этом сообщников преступников пытаются искать среди «служащих из пришлого элемента» [32, С. 2]. В апреле 1916 г. произошло несколько резонансных акций с ограблением видных горожан (в числе которых был даже тогдашний городской голова М.В. Челноков) и объектов городской недвижимости. Московская печать называла виновниками польских беженцев из Варшавы и Лодзи, городов, «славившихся изобретательностью мошенников всех формаций, ловких взламывателей и карманников» [28, С. 3].

Беженству сопутствовало и общее ухудшение эпидемиологической обстановки. Инфекционные заболевания, привезенные военными мигрантами, — корь, холера, кишечные инфекции — в условиях антисанитарии беженских поселков и недостаточного врачебного надзора приобретали большую летальность [33, С. 75]. Постоянно существовали риски появления эпидемий [34, С. 10]. Также наблюдался всплеск венерических заболеваний. Проституция и другие проявления асоциального поведения польских беженцев неоднократно отмечались горожанами [35, Л. 40–40 об].

К 1916 г. происходит складывание элементов «беженской субкультуры». Локализовавшись, польское беженство при активном покровительстве опекающих их национальных организаций начинает стремиться к обособленности, самоизоляции от принимающего общества. Возобладала практика социальной эксклюзии поляков-беженцев: для них обустраиваются столовые, школы, театры, рестораны, издаются журналы, газеты, учебники. Поддержание дистанции, необходимое для сохранения национальной идентичности, имело оборотной стороной крайне поверхностную адаптацию большинства беженцев. Чаще всего она ограничивалась ориентированием в ареале проживания, в пределах одного или нескольких кварталов. Не происходило усвоения ни поведенческих, ни культурно-языковых норм принимающего общества. Для беженских групп было характерно сохранение земляческого менталитета и узкоэтнического принципа общения. Даже в 1917 г. большинству носителей беженской субкультуры был достаточен начальный уровень адаптации; меньшинство находилось на промежуточной стадии интеграции, так и оставшейся незавершенной [36, С. 335]. Беженцы, как правило, не питали симпатий ни к российским властям, ни к русскому населению. Свое пребывание на территории России многие из них воспринимали как некий этап перед долгожданной реэмиграцией. Печатные органы всячески играли на чувствах тоски по дому и писали о скором возвращении на родину [37, С. 1], [27, С. 14]. Все это не могло не порождать подозрительности, а в отдельных случаях и враждебности части московского населения в отношении беженцев-поляков.

Заключение

По мере ухудшения топливного, продовольственного и финансового положения, удорожания жизни в Москве росла и нетерпимость местного населения к беженцам в целом и к полякам в частности. Отношение к вынужденным переселенцам с сочувственного в пиковый период кризиса к концу 1916 г. сменилось на раздражительное: «Теперь, когда беженец вышел из моды и к тому же оказался не абстрактной величиной, а таким же живым человеком, снабженным нервами, кровью и плотью — и, главное, желудком — как и все, тянувшиеся когда-то к этому слову — отношение к беженцу сразу изменилось». Начавшиеся перебои в поставках продовольствия все чаще стали связываться с потребностями беженцев: «Вопрос о недостатке продуктов и предметов первой необходимости был решен; виноватый найден: им оказался беженец» [34, С. 9]. В городе начинают циркулировать слухи о якобы готовящихся польских погромах, причем распространяли их как московские рабочие, так и сами беженцы, предупрежденные председателями беженских комитетов. Хотя по итогам проведенного Охранным отделением расследования слухи не подтвердились, полицейскими приставами отмечалось, что «население действительно недовольно беженцами за общую дороговизну в Москве, за переполнение трамваев и что беженцы, часто состоятельные, захватывают продукты первой необходимости, не стесняясь никакой ценой» [35, Л. 4 об].

Беженцами стали тяготиться и российские власти. Размер пайковой помощи последовательно урезался, условия финансирования беженских организаций ужесточались. Только за осень 1916 г. ежемесячные ассигнования Министерства финансов на нужды беженцев сократились с 30 до 20 миллионов рублей. В попытках компенсировать возникший дефицит польские беженские организации начали урезать расходы [38, С. 6–7], ввели всеобщее самообложение членов московской общины. Однако эти меры были явно недостаточными. Сначала под предлогом улучшения эпидемиологической ситуации, а затем по экономическим соображениям органы городского самоуправления инициируют кампании по «разгрузке» Москвы от беженцев [20, Л. 26–27]. Многие беженцы-поляки и учреждения Польского комитета были вынуждены эвакуироваться из города [39, Л. 5]. В течение 1917 г. с истощением источников финансирования наблюдается деградация беженских организаций и постепенное вовлечение беженцев в российское революционное движение. Вместе с тем повсеместная политизация общественной жизни после февраля

1917 г. и упадок городского хозяйства привели к тому, что беженский вопрос практически исчез из московской повестки.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Григорян Г.Ш. Динамика численности и размещения этнических групп на территории Москвы в 1897–1926 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Григорян Генрих Шамильевич. — Санкт-Петербург, 2021. — 256 с.
2. Воронова Т.С. Историко-географический обзор национального состава Москвы / Т.С. Воронова // Вестник Московского государственного педагогического университета. — 2011. — № 2. — С. 102.
3. Sula D. Polacy w Moskwie w latach 1914–1921 / D. Sula // Wojna i emigracja. Studia i szkice. — 2013. — Т. II. Emigracja i losy polaków na obczyźnie. Gorzów Wielkopolski: Wydawnictwo Naukowe Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Jakuba z Paradyża. — S. 105–128.
4. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров; 16 июля – 2 сентября 1915 года) / А.Н. Яхонтов / Архив русской революции. — Берлин: Слово, 1926. — Т. 18. — С. 5–136.
5. Стенографические отчеты. Заседания 1–16 с 19 июля – 3 сентября 1915 г / Гос. дума, четвертый созыв, 1915 г., сессия четвертая. — 1915. — 1212 стлб.
6. Московские ведомости. — 1915. — № 169.
7. Московский листок. — 1915. — № 170.
8. Московский листок. — 1915. — № 173.
9. Туманова А.С. Общественные организации в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А.С. Туманова. — Москва: Политическая энциклопедия, 2014. — 327 с.
10. Статистический ежегодник г. Москвы. — Москва: Статистический отдел Московской городской управы, 1916. — Вып. 4. — 30 с.
11. Вечерняя газета. — 1915. — № 5.
12. Вечернее время. — 1915. — № 3.
13. Утро России. — 1915. — № 241.
14. Gazeta Polska. — 1915. — № 2.
15. Центральный государственный архив города Москвы. — Ф. 179. — Оп. 3. — Д. 1201.
16. Вечерняя газета. — 1915. — № 6.
17. Бахурин Ю.А. Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.) / Ю.А. Бахурин // Великая война. Сто лет. — 2014. — С. 170–190.
18. Отчеты и материалы / Всероссийский земский союз. Отдел по устройству беженцев. — Москва: Тип. т-ва Рябушинских, 1917. — Т. 1. Трудовое посредничество. — 311 с.
19. Центральный государственный архив города Москвы. — Ф. 179. — Оп. 3. — Д. 1200.
20. Центральный государственный архив города Москвы. — Ф. 179. — Оп. 3. — Д. 1199.
21. Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве / Н.И. Кустов. — Москва: Тип. Русского о-ва, 1917. — 117 с.
22. Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М.М. Щепкина / М.М. Щепкин; Всероссийские земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. — Москва, 1917. — 100 с.
23. Glinka W. Pamiętnik z wielkiej wojny / W. Glinka. — Warszawa, skład główny Gebethner i Wolff, 1928. — Cz. 2: Na wygnaniu : 20 września 1915 — 16 czerwca 1917. — 248 s.
24. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921) / R. Dyboski. — Kraków: Druk. W.L. Anczyca i spółki, 1922. — 276 s.
25. Kruszyński M. Uchodźcy z Królestwa Polskiego w Rosji po 1915 roku – zmory codzienności i nie tylko / M. Kruszyński // Pamięć i Sprawiedliwość. — 2018. — № 31 (1). — S. 101–112.
26. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 5115. — Оп. 1. — Д. 87.
27. Głos Polski. — 1916. — № 1.
28. Вечернее время. — 1916. — № 571.
29. Echo Polskie. — 1915. — № 5.
30. Liebert W. Wrony nad Moskwą / W. Liebert. — Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen, 1992. — 204 s.
31. Głos Polski. — 1916. — № 16.
32. Вечернее время. — 1916. — № 570.
33. Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. (Петроград, 14–18 апр. 1916 г.) / Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. — Москва, 1917. — 222 с.

34. Жизнь беженцев. — 1916. — №1.
35. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 63. — Оп. 36. — Д. 305.
36. Курцев А.Н. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) / А.Н. Курцев // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков: (материалы международного colloquium, Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года) / Отв. ред. Б.И. Колоницкий, М. Стейнберг. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 323–335.
37. Echo Polskie. — 1916. — № 38.
38. Жизнь беженцев. — 1916. — № 6.
39. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 5115. — Оп. 1. — Д. 19.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grigoryan G.Sh. Dinamika chislennosti i razmeshcheniya etnicheskikh grupp na territorii Moskvi v 1897–1926 gg [Trends in the Population and Distribution of Ethnic Groups within Moscow between 1897 and 1926].: diss. ... PhD in History / Grigoryan Genrikh Shamilevich. — St.Petersburg, 2021. — 256 p. [in Russian]
2. Voronova T.S. Istoriko-geograficheskii obzor natsionalnogo sostava Moskvi [A Historical and Geographical Overview of the Ethnic Composition of Moscow] / T.S. Voronova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet [Bulletin of Moscow State Pedagogical University]. — 2011. — № 2. — P. 102. [in Russian]
3. Sula D. Polacy w Moskwie w latach 1914–1921 [Poles in Moscow, 1914–1921] / D. Sula // Wojna i emigracja. Studia i szkice. — 2013. — T. II. Emigracja i losy polaków na obczyźnie [War and Emigration: Studies and Essays. — 2013. — Vol. II. Emigration and the Fate of Poles Abroad. Gorzów Wielkopolski. Wydawnictwo Naukowe Państwowej Akademickiej Wydawnictwa Państwowej Akademii]. — P. 105–128. [in Polish]
4. Yakhontov A.N. Tyazhelie dni (Sekretnie zasedaniya Soveta ministrov; 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 goda) [Difficult Days (Secret Meetings of the Council of Ministers; 16 July – 2 September 1915)] / A.N. Yakhontov / Arkhiv russkoi revolyutsii [Archive of the Russian Revolution]. — Berlin: Slovo, 1926. — Vol. 18. — P. 5–136. [in Russian]
5. Stenograficheskie otcheti. Zasedaniya 1–16 s 19 iyulya – 3 sentyabrya 1915 g [Verbatim Reports. Sessions 1–16, 19 July – 3 September 1915] / State Duma, Fourth Convocation, 1915, Fourth Session. — 1915. — 1212 columns. [in Russian]
6. Moskovskie vedomosti. — 1915. — № 169. [in Russian]
7. Moskovskii listok. — 1915. — № 170. [in Russian]
8. Moskovskii listok. — 1915. — № 173. [in Russian]
9. Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii v Rossii v godi Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral 1917 g.) [Civil Society Organisations in Russia during the First World War (1914–February 1917)] / A.S. Tumanova. — Moscow: Political Encyclopaedia, 2014. — 327 p. [in Russian]
10. Statisticheskii yezhegodnik g. Moskvi [Statistical Yearbook of the City of Moscow]. — Moscow: Statistical Department of the Moscow City Administration, 1916. — Iss. 4. — 30 p. [in Russian]
11. Vechernyaya gazeta. — 1915. — № 5. [in Russian]
12. Vechnee vremya. — 1915. — № 3. [in Russian]
13. Utro Rossii. — 1915. — № 241. [in Russian]
14. Gazeta Polska. — 1915. — № 2. [in Polish]
15. Tsentralnii gosudarstvennii arkhiv goroda Moskvi [Central State Archive of the City of Moscow]. — F. 179. — Op. 3. — D. 1201. [in Russian]
16. Vechernyaya gazeta. — 1915. — № 6. [in Russian]
17. Bakhurin Yu.A. Vinuzhdeniye pereselentsi iz zapadnykh okrain Rossiiskoi imperii v Moskvu i Moskovskoi gubernii (1914–1917 gg.) [Displaced Persons from the Western Outskirts of the Russian Empire in Moscow and the Moscow Governorate (1914–1917)] / Yu.A. Bakhurin // Velikaya voyna. Sto let [The Great War. One Hundred Years]. — 2014. — P. 170–190. [in Russian]
18. Otcheti i materialy [Reports and Documents] / All-Russian Governorate Union. Department for the Resettlement of Refugees. — Moscow: Ryabushinsky Company Printing House, 1917. — Vol. 1. Labour Placement. — 311 p. [in Russian]
19. Tsentralnii gosudarstvennii arkhiv goroda Moskvi [The Central State Archives of the City of Moscow]. — F. 179. — Op. 3. — D. 1200. [in Russian]
20. Tsentralnii gosudarstvennii arkhiv goroda Moskvi [The Central State Archives of the City of Moscow]. — F. 179. — Op. 3. — D. 1199. [in Russian]
21. Kustov N.I. Kratkie ocherki o deyatelnosti natsionalnykh i blagotvoritelnykh organizatsii, okazivayushchikh pomoshch bezhentsam v gor. Moskvu [Brief Essays on the Activities of National and Charitable Organisations Providing Assistance to Refugees in the City of Moscow] / N.I. Kustov. — Moscow: Printing House of the Russian Society, 1917. — 117 p. [in Russian]
22. Shchepkin M.M. Bezhentsy i organizatsiya pomoshchi im v svyazi s rabotami Osobogo soveshchaniya: doklad Glavnim komitetam upolnomochennogo, predsedatelya otdela M.M. Shchepkina [Refugees and the Organisation of Aid for Them in Connection with the Proceedings of the Special Conference: Report to the Main Committees by the Commissioner, Head of Department M.M. Shchepkin] / M.M. Shchepkin; All-Russian Union of Governorates and Municipalities. Department for the Resettlement of Refugees. — Moscow, 1917. — 100 p. [in Russian]
23. Glinka W. Pamietnik z wielkiej wojny [Diary of the Great War] / W. Glinka. — Warsaw, Gebethner and Wolff Main Warehouse, 1928. — Part 2: In Exile: 20 September 1915 — 16 June 1917. — 248 p. [in Polish]
24. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921) [Seven Years in Russia and Siberia (1915–1921)] / R. Dyboski. — Kraków: W.L. Anczyca and Co., 1922. — 276 p. [in Polish]

25. Kruszyński M. Uchodźcy z Królestwa Polskiego w Rosji po 1915 roku – zmory codzienności i nie tylko [Refugees from the Kingdom of Poland in Russia after 1915 — the hardships of everyday life and beyond] / M. Kruszyński // Pamięć i Sprawiedliwość [Memory and Justice]. — 2018. — № 31 (1). — P. 101–112. [in Polish]
26. Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. — F. 5115. — Op. 1. — D. 87. [in Russian]
27. Głos Polski. — 1916. — № 1. [in Polish]
28. Vechernee vremya. — 1916. — № 571. [in Russian]
29. Echo Polskie. — 1915. — № 5. [in Polish]
30. Liebert W. Wrony nad Moskwą [Crows over Moscow] / W. Liebert. — Warsaw: Volumen Publishing House, 1992. — 204 p. [in Polish]
31. Głos Polski. — 1916. — № 16. [in Polish]
32. Vechernee vremya. — 1916. — № 570. [in Russian]
33. Trudi vneocherednogo Pirogovskogo sezda po vrachebno-sanitarnim voprosam v svyazi s usloviyami nastoyashchego vremeni. (Petrograd, 14–18 apr. 1916 g.) [Proceedings of the Extraordinary Pirogov Congress on Medical and Public Health Issues in Light of Current Circumstances. (Petrograd, 14–18 April 1916)] / Society of Russian Doctors in Memory of N.I. Pirogov. — Moscow, 1917. — 222 p. [in Russian]
34. Zhizn bezhentsv [Life of Refugees]. — 1916. — №1. [in Russian]
35. Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. — F. 63. — Op. 36. — D. 305. [in Russian]
36. Kurtsev A.N. Voennie bezhentsi v gorodakh Rossii (1914–1917 gg.) [Military Refugees in Russian Cities (1914–1917)] / A.N. Kurtsev // Kulturi gorodov Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vekov: (materiali mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg, 14–17 iyunya 2004 goda) [Urban Cultures of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries: (Proceedings of the International Colloquium, St Petersburg, 14–17 June 2004)] / Resp. ed. B.I. Kolonitskii, M. Steinberg. — St.Petersburg, 2009. — P. 323–335. [in Russian]
37. Echo Polskie. — 1916. — № 38. [in Polish]
38. Zhizn bezhentsv [Life of Refugees]. — 1916. — № 6. [in Russian]
39. Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. — F. 5115. — Op. 1. — D. 19. [in Russian]